

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-10-2.34>

Цуциева Мария Геннадьевна

ДИСКУРСИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОЙ НЕМЕЦКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

В статье раскрывается специфика применения дискурсивных технологий в современной политической коммуникации Германии, что обуславливает необходимость анализа параметра технологичности как одного из прототипических параметров политического дискурса. Дискурсивные технологии, которым свойственны закрытость и недоступность, являются инструментом усиления влияния, а значит, позволяют немецким политикам с помощью политехнологов как посредников осуществлять эффективную политическую коммуникацию и достигать как коммуникативных, так и посткоммуникативных целей в борьбе за власть.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/10-2/34.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 10(88). Ч. 2. С. 379-384. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/10-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

10. **Сорокина Ю. В.** Убеждающие и защитные тактики коммуникативной стратегии самопрезентации в лекционном дискурсе // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 16 (345). С. 128-131.
11. **Тахтарова С. С.** Коммуникативные категории в когнитивно-дискурсивной парадигме // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2017. Т. 16. № 2. С. 189-196.
12. **Тер-Минасова Г. Г.** Язык, коммуникация и национальная безопасность [Электронный ресурс]: открытая лекция от 28.04.2014. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=t6MfsR5mOus> (дата обращения: 02.08.2018).
13. **Уланова Е. Э.** Коммуникативная категория авторитетности в системе речевого поведения // Филология и человек. 2017. № 2. С. 120-125.
14. **Хутыз И. П.** Мультиmodalность академического дискурса как условие его коммуникативной успешности // Вестник Адыгейского государственного университета. 2016. Вып. 1 (172). С. 90-95.
15. **Хутыз И. П., Духовная Т. В.** О когнитивной природе формирования и интерпретации прагматического значения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 1 (79). Ч. 2. С. 390-392.
16. **Черниговская Т. В.** Мозг – Великий обманщик. Как мозг нас обманывает [Электронный ресурс]: лекция в компании BioCard от 03.06.2017. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=t2FyA5eiUQI> (дата обращения: 02.08.2018).
17. **Чернявская В. Е.** Возможна ли безъязыковая коммуникация: поликодовый текст [Электронный ресурс]: открытая лекция. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=DmYGt0aj5lw> (дата обращения: 19.06.2018).
18. **Dahlstrom M.** Using narratives and storytelling to communicate science with nonexpert audiences [Электронный ресурс]. URL: http://www.pnas.org/content/111/Supplement_4/13614 (дата обращения: 03.08.2018).
19. **Delivering Lectures** [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cardiff.ac.uk/learning-hub/supporting-your-teaching/delivering-lectures> (дата обращения: 02.08.2018).
20. **Deroey K., Taverniers M.** A corpus based study of lecture functions // Moderna språk. 2011. № 2. P. 2-22.
21. **Fortanet I.** Enhancing the speaker-audience relationship in academic lectures // Current trends in intercultural cognitive and social pragmatics. Sevilla: Universidad de Sevilla, 2004. P. 83-96.
22. **Frederick P. J.** The lively lecture – 8 variations // College Teaching. 1986. Vol. 34. Iss. 2. P. 43-50.
23. **Suciu L., Simon S.** Informing strategies: building the communication framework // Social and Behavioral Sciences. 2015. № 197. P. 1246-1249.
24. **Sword H.** Stylish Academic Writing. Cambridge: Harvard University Press, 2012. 240 p.

COMMUNICATIVE CATEGORIES AND STRATEGIES OF LECTURE DISCOURSE

Khutyz Irina Pavlovna, Doctor in Philology, Associate Professor
Kuban State University, Krasnodar
ir_khutyuz@hotmail.com

The objective of the article is to identify the communicative categories and strategies that are used by well-known Russian linguists in lecture discourse and contribute to the effective transmission of information. The material of the research is three lectures (total duration of 210 minutes) studied through the discursive analysis, as well as the methods of observation, systematization and classification. Scientific novelty of the conducted study of lecture discourse is to determine the communicative strategies used by lecturers for the successful transmission of information to the recipient. As a result of the empirical material analysis, three communicative strategies have been identified – establishment of contact, clarification and cooperation, which can be combined into the main communicative category of the lecture discourse – the informing category.

Key words and phrases: communicative category; communicative strategy; institutional communication; lecture discourse; intention.

УДК 81'42

Дата поступления рукописи: 22.07.2018

<https://doi.org/10.30853/filmnauki.2018-10-2.34>

В статье раскрывается специфика применения дискурсивных технологий в современной политической коммуникации Германии, что обуславливает необходимость анализа параметра технологичности как одного из прототипических параметров политического дискурса. Дискурсивные технологии, которым свойственны закрытость и недоступность, являются инструментом усиления влияния, а значит, позволяют немецким политикам с помощью политехнологов как посредников осуществлять эффективную политическую коммуникацию и достигать как коммуникативных, так и посткоммуникативных целей в борьбе за власть.

Ключевые слова и фразы: технологизация; технологии; технологичность; политический дискурс; дискурсивные технологии; субъект политического дискурса.

Цуциева Мария Геннадьевна, к. пед. н., доцент

Военная академия связи имени Маршала Советского Союза С. М. Буденного, г. Санкт-Петербург
Maria-TS@yandex.ru

ДИСКУРСИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОЙ НЕМЕЦКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Понятие технологий, политических технологий тесно связано с современным политическим дискурсом и деятельностью его основных субъектов. Для достижения основной цели политиков – победы в борьбе

с соперниками за власть – основными субъектами политического дискурса (политиками, политтехнологами и др.) ведется поиск универсального средства, усиливающего политическое влияние и власть, обеспечивающего своего рода «непобедимость», что, в свою очередь, обусловило появление попыток технологизации политического дискурса. Таким образом, актуальность исследования дискурсивных технологий определена, возрастающим интересом ученых к политическому дискурсу и методам и способам достижения политиком как основным его субъектом своей главной цели – победы в борьбе за власть. В данной статье автор предпринимает попытку изучения политического дискурса современной Германии с точки зрения влияния на него процесса технологизации, что представляет, на наш взгляд, научную новизну. Целью статьи явилось научное описание параметра технологичности современного немецкого политического дискурса как результата его технологизации, выявление и анализ дискурсивных технологий, применяемых политиками.

Понятие «технологизация дискурса» предложил в 1996 г. (technologisation of discourse) Н. Фэрклоф [8], который исходит из теории М. Фуко [5; 6], рассматривая создание и использование гуманитарных технологий как альянс между социальными науками и структурами власти – альянс, конституирующий современную «био-власть», которая вводит человеческую жизнь в область эксплицитных расчетов и делает знание орудием трансформации жизни. Дискурсивные технологии ученый рассматривает как разновидность технологий управления, а сам дискурс – как одну из таких сил, которая становится операциональной внутри специфических ансамблей наряду с другими силами [4, с. 143]. Природу технологизации современного политического дискурса определяет наличие специалистов в сфере политических технологий, которой свойственна закрытость и недоступность.

Возникновение политических технологий и, соответственно, специалистов в этой сфере способствовало появлению специфического субъекта – политтехнолога – в полисубъектном пространстве политического дискурса. В системе политического дискурса политтехнолог является одним из субъектов дискурса посредников. Н. Фэрклоф отмечает, что политтехнологи имеют причастность к научному знанию (политология, социология, политическая лингвистика, психология), из-за чего их вмешательство в дискурсивные практики имеет ауру «истины». Кроме того, политтехнологи – это институциональные субъекты, поскольку они осуществляют свою деятельность в социальных институтах. Технологичность политического дискурса проявляется, на наш взгляд, в его предзаданности, предсказуемости и воспроизводимости. В основе разработки и реализации политической технологии – профессиональное знание и планирование, «программирование». Поскольку политические технологии создаются в определенных целях для определенных ситуаций политической деятельности, на наш взгляд, можно говорить о применении политических технологий при речевом планировании политического дискурса [2].

Как правило, речевое планирование рассматривается в аспекте стратегий и тактик, однако, на наш взгляд, при исследовании политического дискурса стоит также рассматривать и технологии. По мнению С. Н. Плотниковой [4, с. 138], технология, в отличие от стратегии, требует превращения свободного субъекта в субъект инструментальный, производящий лишь заданный дискурс. Дискурсивная стратегия, по нашему мнению, более сложное по сравнению с дискурсивной технологией понятие, поскольку содержит в себе как универсальный, так и индивидуальный компонент. Применение дискурсивной стратегии предполагает, как планируемость, так и спонтанность, применение технологии подразумевает процесс поэтапного производства по заданным параметрам необходимого продукта для достижения заданной цели в дискурсивной ситуации. Существуют стратегии, применение которых свойственно большинству политиков, но есть и стратегии индивидуально-характера. Технология более универсальна, инструментальна и предсказуема, а значит, и воспроизводима.

В процессе реализации технологии осуществляется двойная объективация субъектов политического дискурса. С одной стороны, объективируется основной субъект – политик, поскольку в процессе осуществления своей дискурсивной деятельности он воспроизводит заданный технологией дискурс и производит тексты как продукты, предопределенные спланированной, созданной технологией. «Действуя технологично, политик порождает бессознательную самоорганизацию общества по “зову” технологии. Технология помогает политике придавать коммуникации стабильность и прогнозируемость, преодолевать массу индивидуальных флуктуаций, ведущих к потенциальной множественности возможного структурирования. Постоянно возвращая свой дискурс в рамки жестких технологичных форм, политик не дает втянуть себя в какой-либо иной сценарий развития событий» [3, с. 211].

С другой стороны, объективацию претерпевает и другой субъект политического дискурса, а именно избиратель, поскольку применение технологий в политическом дискурсе предполагает взаимодействие не в равных условиях, а в условиях подчинения и превосходства, например информационного. Избиратель как один из основных субъектов политического дискурса превращается в один из его объектов, то есть осуществляется программирование, стимулирование дискурса реагирования. Главной особенностью осознанного применения технологии по отношению к человеку является то, что он деперсонализируется, перестает быть для технологов субъектом и становится для них объектом их деятельности, одним из многих других вовлеченных в нее объектов, в том числе и неодушевленных. Власть превращает в объект технологии тело человека, которое «кодируется, дрессируется как орудие производства, орудие эффективности» [4, с. 138]. Основными субъектами политического дискурса, применяющими политические технологии, являются как сами политики, так и, безусловно, политтехнологи и представители СМИ, например журналисты. Политические технологи рассматривают политическую коммуникацию как совокупность процессов, прежде всего коммуникативных, в политической системе. Одной из целей политических технологов является формирование общественного мнения, влияющего

на конкретные политические решения путем осуществления посреднической деятельности между субъектами основных сегментов политического дискурса, намеренно усиливая или ослабляя процесс их взаимодействия. В современном немецком языке возникло понятие die Politikvermittlung – политическое посредничество [7], под которым понимается профессиональная деятельность субъектов дискурса посредников, одним из эффективных инструментов которых являются медиасредства, вследствие чего преобладает стремление к краткосрочности в информировании, к негативизму в интерпретации информации, персонализации.

Для примера обратимся к политической карикатуре из журнала “Spiegel”. На рисунке изображены два политических лидера: президент США Дональд Трамп и политический лидер КНДР Ким Чен Ын. Политики представлены в виде младенцев, которые играют с атомной бомбой как с игрушкой, что характеризует их как некомпетентных и недалких малоопытных политических деятелей (см. Рисунок 1). Безусловно, оба политика представлены в негативном, саркастическом ключе. Данная карикатура как поликодовый текст представляет и американского, и северокорейского политических лидеров, которые, по всей очевидности, не могут вызывать доверие и серьезное отношение избирателей и коллег-политиков относительно их политических планов и взглядов [13].

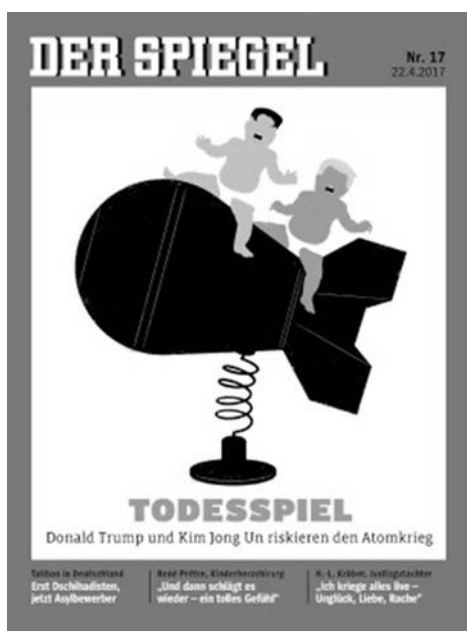

Рисунок 1

Следствием этого становится так называемая «политическая отчужденность». Избиратели не стремятся активно участвовать в политической жизни своего государства. Политическая отчужденность – это особая форма восприятия политики избирателями, которые получают политическую информацию только через СМИ. Средства массовой информации начинают доминировать над многими сферами жизни человека, в том числе и над сферой политики. Вследствие этого избиратель как субъект политического дискурса дистанцируется, нарушается функционирование обратной связи, или она опосредована медиасредствами. Избиратели становятся объектами медиадетальности журналистов и политиков. Но и сами политики являются объектами политической деятельности друг друга как граждане определенного государства, как участники «предвыборной гонки», где не всегда средства, в том числе медиасредства, применяемые для самопрезентации и дискредитации оппонента, являются этичными.

В последние годы в политологии изучается понятие «безучастной демократии», под которой понимается такая политическая ситуация, когда политическому субъекту, например избирателю, фактически отказывают в его праве на самостоятельные действия, оказывающие значительное влияние на политические события, информация преподносится уже в готовом виде, сфокусированная на необходимых для политтехнологов, а значит, и для профессиональных политиков аспектах. В европейской политологии актуально понятие «рассеивание» [7]. Это означает, что от выборов к выборам все уменьшается процент избирателей, которые голосуют за одну и ту же партию, то есть уверенных в правоте политика, партии становится все меньше, следовательно, и убеждать становится все сложнее. Это можно рассматривать как потерю общественной поддержки отдельной партией.

Таким образом, политтехнологи с помощью инструментов СМИ совмещают основные функции политической системы – выработку решений и функции системы СМИ – информирование и постановку вопросов и тем для обсуждения таким образом, чтобы обеспечить интеграцию общества. Средства массовой информации помогают выстроить определенную «дополненную» действительность, в которой понятие «демократия» заменяется понятием «телекратия», а «выборы» – понятием «телевыборы». Например, информация о кандидатах, баллотирующихся на должность канцлера или лидера одной из партий, избиратели в основном получают из разного рода телепередач (ток-шоу, интервью, теледебаты и т.д.), большинство из которых

ориентированы на представление одного из кандидатов в более выгодном свете. Возможность задавать вопросы в прямом эфире, наблюдение за ходом теледебатов во многом определяют выбор кандидата избирателем (например, дебаты М. Шульца и А. Меркель).

Использование политтехнологами средств массовой информации имеет как характер стимула, так и реакции. С одной стороны, политтехнологи задают определенный стиль в преподнесении информации, представлении политических персон посредством СМИ, а с другой стороны, их деятельность – это «обязательная» реакция на произошедшие события, на принятые политиками решения.

Н. Фэрклоф [8] анализирует виды дискурсивных технологий. Рассмотрим их в аспекте политического дискурса.

1. Конверсационализация институционального дискурса как повсеместное внедрение в институциональный дискурс и симуляция в нем неформального разговорного общения.

Например, канцлер Германии А. Меркель активно применяет в своей речевой деятельности прием квазидialogа при реализации различных стратегий. Иллюзия беседы, диалога с аудиторией, с оппонентами позволяет ей скрыть авторитарность и категоричность, которые на самом деле свойственны ее стилю общения, преподнесения своего мнения, политических решений. В данном отрывке из речи А. Меркель на заседании Бундестага она «разъясняет» политикам свое видение ситуации в связи с положением в Греции, прогнозирует возможные варианты ее развития, предлагает депутатам представить проблемы граждан Греции, как если бы это происходило в Германии. Канцлер вовлекает депутатов в «совместное рассуждение» в диалогической форме. Создается впечатление, что имеет место своеобразное «совместное обсуждение, размышление» о сложившихся проблемах и, соответственно, все предлагаемые А. Меркель решения становятся «совместными». Таким образом, подобного рода квазидialog, «совместное рассуждение» носит как контактоустанавливающую, так и, прежде всего, персуазивную функции.

“Herr Präsident! Liebe Kolleginnen und Kollegen! Meine Damen und Herren! Es liegen Tage hinter Europa, die an Dramatik kaum noch zu überbieten sind... Stellen wir uns nur für einen Moment vor, was es bedeuten würde, wenn bei uns zu Hause in Deutschland Rentnerinnen und Rentner verzweifelt vor geschlossenen Banken Schlange stehen und darauf warten würden, 120 Euro Rente pro Woche ausgezahlt zu bekommen. Dann bekommen wir vielleicht eine Ahnung davon, wie dramatisch die Situation in Griechenland ist, wie viel für dieses Land wie auch für Europa auf dem Spiel stand, als die Staats- und Regierungschefs der 19 Mitglieder der Euro-Zone am vergangenen Sonntag zu einem Sondergipfel zusammenkamen.

Liebe Kolleginnen und Kollegen, bevor wir das Ergebnis dieses Euro-Gipfels bewerten, müssen wir uns die Ausgangslage noch einmal in Erinnerung rufen...” [11]. / «Господин президент! Дорогие коллеги! Дамы и господа! Тяжелые времена для Европы уже позади... Представьте себе хоть на минуту, что могло бы быть, если бы у нас на Родине в Германии пенсионеры стояли бы в огромных очередях перед закрытыми дверями банков, чтобы получить еженедельную пенсию в 120 евро. Тогда, возможно, у нас будет некоторое представление о том, сколь серьезна и драматична ситуация в Греции, что стояло на кону для страны и для Европы в целом и как многое зависело от руководителей 19 государств и правительств стран-членов Еврозоны, прибывших на чрезвычайный саммит в прошлое воскресенье. Дорогие коллеги, прежде чем мы с вами будем оценивать результаты Евросаммита, мы должны еще раз вернуться в отправную точку, с которой мы начинали...» (перевод автора статьи. – М. Ц.).

Дискурсивная технология – общая конверсационализация взаимодействий – позволяет повысить эффективность дискурсивной деятельности в профессиональной сфере посредством имитации атмосферы диалога и взаимопонимания, возможности реального участия в совместной профессиональной деятельности, принятии важных решений.

2. Колонизация институционального дискурса дискурсивными техниками маркетинга и рекламы.

В рамках этой технологии перестраивается дискурс между профессионалами и непрофессионалами (клиентами) во взаимодействии типа: преподаватель – студент; врач – пациент; адвокат – клиент и т.п. Общая когнитивная модель этих ролей, основанная на понятии компетенции (обладающий компетенцией – подчиняющийся компетенции), заменяется на рыночную модель (производитель – потребитель). Функции дискурса перемещаются при этом с информирования и перечисления обязанностей на убеждение и перечисление выгод [2].

При реализации данной технологии дискурсы рекламы, маркетинга, политики и их основные стратегии находятся во взаимодействии и влияют друг на друга. Кроме того, можно наблюдать смену прагматических позиций основных субъектов политического дискурса. Политик (основной субъект политического дискурса) выступает и действует с прагматической позиции «продавца, производителя», заимствуя прагматическую позицию из дискурса маркетинга, вынуждая, таким образом, избирателя занять позицию «потребителя».

Так, например, в своем выступлении на дебатах в Бундестаге Штефан Вайль – глава земли Нижняя Саксония – активно призывает коллег-депутатов разрабатывать новую стратегию в политике хранения ядерных отходов: “Wenn wir es künftig besser machen wollen, dann brauchen wir einen Neustart” [10]. / «Если Вы хотите, чтобы мы дальше справлялись с этим лучше, тогда нам нужен новый старт». Существующую политику в вопросе хранения ядерных отходов Ш. Вайль называет ошибочной и предлагает обратиться к примеру ситуации в Нижней Саксонии: “...die Folgen einer falschen Endlagerpolitik” [Ibidem]. / «...последствия ошибочной политики в вопросе хранения ядерных отходов». Нельзя, по мнению политика, останавливаться только на Горлебене как месте хранения, это серьезная ошибка; нельзя все делать «за закрытыми дверями». Основными принципами взаимодействия политик называет прозрачность и публичность, открытость: “Wir brauchen Transparenz

und Öffentlichkeit. Mit der Endlagerpolitik hinter verschlossenen Türen muss endlich Schluss sein" [Ibidem]. / «Нам нужна прозрачность и открытость. Необходимо кончать с политикой решения вопросов за закрытыми дверями в деле хранения ядерных отходов».

Ш. Вайль приводит множество доводов, доказывая, как необходима перезагрузка. «Перезагрузка» как новый метод представляется Ш. Вайлем в качестве единственно правильного решения в сложившейся ситуации, которое всем необходимо принять. Для ее реализации политик предлагает создать комиссию, в которую бы входили представители всех федеральных земель. Главное, по мнению политика, – это доверие между всеми участниками процесса обсуждения, только тогда возможен консенсус мнений. Точка зрения Ш. Вайля находит поддержку у коллег-депутатов: "Beifall bei der SPD und dem BÜNDNIS 90/DIE GRÜNEN sowie bei Abgeordneten der LINKEN" [Ibidem]. / «Аплодисменты депутатов партии СДПГ, партии Зеленых и партии Левых».

Таким образом, политик представляет свое предложение о новой стратегии как единственно правильный вариант, как самый лучший вариант, который необходимо поддержать и утвердить. Ш. Вайль приводит аргументы, которые подтверждают его тезис о необходимости разработки новой стратегии, о необходимости «перезагрузки» в этой сфере и находит поддержку у коллег-депутатов. В данном отрывке мы можем наблюдать реализацию взаимодействия таких параметров политического дискурса, как институциональность, полисубъектность, персуазивность и агональность. Синкретизм параметров дискурсов (политического, дискурса рекламы, маркетинга), прагматических позиций основных субъектов позволяет политикам добиваться поставленных целей, адаптируясь к различным ситуациям изменяющейся действительности.

3. Дискурсивное само моделирование.

Данная технология подразумевает демонстрацию, самовывдвижение особых личностных качеств («человек простой, искренний, ответственный, религиозный»). Таким образом, осуществляется конструирование позитивного для себя и негативного по отношению к соперникам дискурса реагирования. Рассмотрим отрывок из предвыборной речи Ф.-В. Штайнмайера [14]. Например:

"Ich habe in den letzten Wochen so viele Zuschriften gekriegt wie noch nie. Das hat mich wirklich bewegt! Ich will mich zunächst einmal bedanken für die vielfache Ermutigung und Unterstützung: bei meiner eigenen Partei, der deutschen Sozialdemokratie; ebenso bei der CDU und der CSU für die Unterstützung – aber vor allem bei den vielen Bürgerinnen und Bürgern, die mir geschrieben haben; bei den Kulturschaffenden, den Vertretern von Kirchen, Gewerkschaften und Unternehmen, die mich ermuntern haben" [Ibidem]. / «В последние несколько недель я получил так много писем, как никогда. Это меня глубоко тронуло! Прежде всего, я хотел бы поблагодарить за поддержку и воодушевление: мою партию СДПГ; также партию ХДС и ХСС, но особенно граждан Германии, которые мне писали, представителей культуры, церкви, профсоюзов, бизнеса, которые воодушевляли и вдохновляли меня».

В своем выступлении политик выражает благодарность всем, кто поддерживает его на пути к должности президента ФРГ. Из текста становится понятно, что количество поддерживающих решение Ф.-В. Штайнмайера стать президентом значительно, что косвенно подтверждает правильность избранного им пути. Речь политика эмоциональна, он говорит, что все отклики, все слова поддержки глубоко тронули его и что он никогда не получал так много писем. Таким образом, становится понятно, что Штайнмайер именно тот политик, которого коллеги-политики, избиратели – представители самых различных профессиональных сфер и слоев – хотели бы видеть на посту президента.

Одним из известных и эффективных приемов в данной политической технологии является участие супруги/супруга, детей политика в общественно-политических мероприятиях, в интервью для средств массовой информации, в общении с избирателями и др. Можно говорить о том, что демонстрация политиком своей благополучной личной жизни служит укреплению имиджа успешного человека, который способен устроить как свою собственную жизнь, так и жизнь своих избирателей. Рассмотрим фотографию кандидата в президенты ФРГ Ф.-В. Штайнмайера (см. Рисунок 2) [12].

Рисунок 2

На фото мы видим политика со своей супругой за чашкой утреннего кофе. Супружеская чета выглядит очень счастливой и благополучной, что, несомненно, благоприятно повлияет на имидж политика в период предвыборной борьбы.

Таким образом, дискурсивная технология само моделирования наиболее эффективно реализуется посредством такого параметра политического дискурса, как поликодовость. Эффективность дискурсивной деятельности языковой личности самого политика обеспечивается и поддерживается таким параметром, как медийность.

4. Конвергенция дискурсивных технологий.

Применение дискурсивных технологий носит конвергентный характер. Технологии различных дискурсов как инструменты воздействия становятся средствами достижения целей в политической деятельности. Зачастую технологии применяются не изолированно, а комплексно. Так, в качестве примера можно привести специфику взаимовлияния политического дискурса, дискурса СМИ и дискурса рекламы.

Автор дискурсивной технологии может быть как реальной, так и виртуальной фигурой (как представитель «закрытого знания»). В первом случае это конкретный человек, предложивший данную технологию, которая даже может получить его имя (подобно кооперативному принципу П. Грайса [1]), т.е. субъекты дискурса посредников, осуществляющие поддержку основного субъекта политического дискурса, а именно политика. Во время предъявления дискурса адресату реальные анонимные разработчики дискурсивных технологий переходят в разряд виртуальных фигур: они незримо присутствуют «за» дискурсом, за спиной тех, кто говорит или пишет, пользуясь их моделью [2, с. 79].

Таким образом, мы проанализировали технологичность как параметр политического дискурса современной Германии. Выявленные дискурсивные технологии, реализацию которых мы рассмотрели на материале немецкого языка, являются надсубъектными универсальными категориями политического дискурса, позволяющими политтехнологам как субъектам дискурса посредников оказывать необходимое профессиональное содействие, в основе которого «закрытое» профессиональное знание, а основным субъектам политического дискурса – политикам – нужны для осуществления скрытого влияния на политический дискурс в целом, а также реализации попыток трансформации деятельности его основных субъектов.

Список источников

1. **Грайс Г. П.** Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1985. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. С. 217-237.
2. **Плотникова С. Н.** Дискурсивные технологии и их роль в конструировании социального мира // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2015. № 714. С. 72-83.
3. **Плотникова С. Н.** Технологизация дискурса в современном обществе. Иркутск: ИГЛУ, 2011. 320 с.
4. **Плотникова С. Н.** Технологизация дискурса: процесс и результат // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Серия «Филология». 2009. № 4. С. 138-147.
5. **Фуко М.** Дискурс и истина // Логос. 2008. № 2 (65). С. 159-262.
6. **Фуко М.** Ненормальные: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1974-1975 уч. г. СПб.: Наука, 2004. 432 с.
7. **Херманн М.** Политическая коммуникация: воздействие средств массовой информации на общество в современных государствах: выступление на конференции «Свободные средства массовой информации» в Московской школе политических наук (9 декабря 2000 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.msps.ru/> (дата обращения: 25.05.2016).
8. **Fairclough N.** Critical discourse analysis and critical policy studies // Critical Policy Studies. 1996. Vol. 7. № 2. P. 177-197.
9. **Fairclough N.** Technologisation of discourse // Texts and Practices: Readings in Critical Discourse Analysis / ed. by C. R. Caldas-Coulthard, M. Coulthard. N. Y.: Routledge, 1996. P. 143-159.
10. <http://dipbt.bundestag.de/doc/btp/17/17241.pdf> (дата обращения: 17.12.2015).
11. <https://www.bundeskanzlerin.de/Content/DE/Rede/2015/07/2015-07-20-merkel-bt-griechenland.html> (дата обращения: 01.08.2015).
12. https://www.google.ru/imgres?imgurl=http://cdn1.beeffco.com/files/poll-images/normal/frank-walter-steinmeier_2627.jpg&imgrefurl=http://de.electionsmeter.com/Abstimmungen/frank-walter-steinmeier&h=349&w=465&tbnid=niWNjVresiX6UM&tbnh=194&tbnw=259&usq=__cJl_IcRjRS3314NPCNo5N2rRN0=&hl=ru&docid=xiyryjG0sZF910M (дата обращения: 17.01.2018).
13. <https://www.magazin.spiegel.de/EpubDelivery/image/title/SP/2017/17/300> (дата обращения: 30.04.2017).
14. <https://www.spd.de/aktuelles/detail/news/ein-bundespraesident-muss-mutmacher-sein/16/11/2016/> (дата обращения: 15.02.2017).

DISCURSIVE TECHNOLOGIES IN THE MODERN GERMAN POLITICAL COMMUNICATION

Tsutsieva Mariya Gennad'evna, Ph. D. in Pedagogy, Associate Professor
S. M. Budjonny Military Academy of the Signal Corps, Saint Petersburg
Maria-TS@yandex.ru

The article reveals the specificity of discursive technologies application in the modern political communication of Germany, which has conditioned the necessity to analyze the technological effectiveness parameter as one of the prototypical parameters of political discourse. The discursive technologies that are characterized by closed nature and inaccessibility are an instrument of increasing influence that means that the German politicians, with the help of political technologists as intermediaries, can conduct effective political communication and achieve both communicative and post-communicative goals in the struggle for power.

Key words and phrases: technologization; technologies; technological effectiveness; political discourse; discursive technologies; subject of political discourse.